

День поминовения

Автор:

[Агата Кристи](#)

День поминовения

Агата Кристи

Полковник Рейс #4

За роскошным столом ресторана, накрытым на семерых, сидят шесть человек. Напротив седьмого, пустующего места одиноко стоит веточка розмарина. Она знаменует память о Розмари Бартон, внезапно умершей за этим же столом ровно год назад. Не в силах пережить депрессию, она отравилась цианистым калием. Но есть по крайней мере один человек, который считает иначе, поэтому и собрал снова вместе всех свидетелей той смерти. Это – муж Розмари, получивший анонимное письмо о том, что его жену отравили. Однако он даже не представляет, чем закончится для него это расследование...

Агата Кристи

День поминовения

Agatha Christie

SPARKLING CYANIDE

Copyright © 1945 Agatha Christie Limited.

All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Загот М.А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть I

Розмари

Что сделать я могу, чтоб с глаз долой прогнать воспоминанья?

Джон Китс

Глава 1

Айрис Марль

I

Айрис Марль думала о своей сестре, Розмари.

Почти год мысли о Розмари она усиленно гнала прочь. Вспоминать не хотелось. Посиневшее от яда лицо, скрюченные в конвульсии пальцы...

А всего за день до этого – веселая и очаровательная Розмари... Какой контраст! Ну, может быть, не совсем веселая. Она ведь переболела гриппом, отсюда низкий тонус, упадок сил... Все это всплыло на поверхность в ходе расследования. Айрис и сама говорила, что у сестры была легкая депрессия. Вот вам и причина самоубийства, правда?

Расследование завершилось, и Айрис попыталась освободиться от этой истории, выбросить ее из головы. Какой толк в таких воспоминаниях? Забыть – раз и навсегда! Будто этого кошмара и не было.

Но теперь она поняла – придется вспомнить. Придется мысленно вернуться в прошлое... И самым тщательным образом вспомнить все, до кажущихся мелочей...

Да, нужно все вспомнить – вчерашний разговор с Джорджем прямо-таки выбил ее из колеи. Это было так неожиданно, так пугающе. Хотя... так ли уж неожиданно? Разве раньше никаких признаков не было? Джордж все больше уходил в себя, становился все более рассеянным, порой вел себя необъяснимо... прямо скажем – подозрительно! И вот вчера вечером он позвал ее в кабинет и достал из ящика письма.

Теперь ничего другого не остается. Она вынуждена думать о Розмари – и вспоминать.

Розмари – сестричка...

Айрис вдруг открылось, к собственному изумлению, что она по-настоящему думает о Розмари впервые в жизни. Объективно, как об отдельно взятой личности.

Она всегда принимала Розмари как некую данность, вовсе о ней не думая. В самом деле – ты же не думаешь о матери, отце, сестре или тете? Они просто есть, они – часть твоей жизни. Вот ты о них и не думаешь. И никогда не спрашиваешь себя – а что они за люди?

Каким человеком была Розмари? А ведь сейчас очень важно это понять – чтобы во всем разобраться. Айрис обратила мысленный взор в прошлое. Она и Розмари – еще дети... Розмари на шесть лет старше.

В памяти поплыли какие-то эпизоды из прошлого, вспышки воспоминаний, отдельные сценки. Вот Айрис – маленькая девочка, сидит за столом, ест хлеб и запивает молоком, а Розмари, вся такая важная, с конскими хвостиками, сидит за столом и делает уроки.

Лето на берегу моря, Айрис завидует Розмари – та «взрослая» и умеет плавать!

Розмари учится в интернате – приезжает домой только по праздникам. Вот и Айрис уже школьница – а Розмари проходит «доводку» в Париже. В школьные годы она была какая-то неуклюжая, угловатая. И вот «доведенная» Розмари приезжает из Парижа: пугающе элегантная, нежноголосая, изящная, выпуклые формы, покачивание бедрами, каштановые с рыжиной волосы, большие васильковые глаза, окаймленные черной тушью. Прекрасное, волнующее душу существо – выросшее... словно в другом мире!

А дальше они встречались достаточно редко – разница в шесть лет достигла своего пика.

В школьные годы Айрис была тихой девочкой. Розмари – всегда на «гребне волны». Даже когда она вернулась домой, расстояние между ними не стало меньше. Розмари по утрам нежилась в постели, потом – поздние завтраки в компании «золотой» молодежи, по вечерам почти всегда – танцы. Айрис зубрила уроки в классной комнате с гувернанткой, прогуливалась по парку, ужинала в девять часов, а в десять ложилась спать. Общение между сестрами сводилось к пустяковому обмену репликами: «Привет, Айрис, будь хорошей девочкой, вызови мне такси, я вернусь до жути поздно» или «Розмари, эта юбка мне не нравится, она тебе не идет. Какая-то дурацкая».

А потом – помолвка с Джорджем Бартоном. Волнение, суэта, магазины, покупки, платье невесты. Свадьба. Айрис идет по проходу следом за Розмари и слышит чей-то шепот: «Не невеста, а загляденье...»

Почему Розмари вышла за Джорджа? Айрис и тогда не могла взять этого в толк. Вокруг Розмари крутилось много интересных молодых людей, они ей звонили, куда-то приглашали. Зачем, спрашивается, ей Джордж – ведь он на пятнадцать лет старше? Да, он добрый, обходительный, но такой зануда!

У Джорджа водились деньги, но дело было не в этом. Розмари тоже была обеспечена очень даже неплохо.

Деньги дядюшки Пола...

Айрис пыталась разложить воспоминания по полочкам: что ей было известно тогда и что она знала теперь? Например, о дядюшке Поле?

На самом деле никакой он не дядя – это ей было известно всегда. Им никто не говорил этого напрямую, но факты были известны, так же? Пол Беннет был влюблен в их маму. А она предпочла другого, человека победнее. Свое поражение Пол Беннет воспринял в романтическом ключе. Он остался другом семьи, выказывая чувство платонической преданности. Его нарекли дядюшкой Полом, он стал крестным первенца семьи – Розмари. Когда он скончался, оказалось, что все свое состояние он завещал маленькой крестнице, тринадцатилетней Розмари. Так что она была не только красавица, но и наследница. И вот вышла замуж за милого, но занудного Джорджа Бартона.

«Зачем?» – спрашивала себя тогда Айрис. Ответа на этот вопрос у нее не было и сейчас. Ведь ясно же, что Розмари никогда его не любила. При этом она была с ним вполне счастлива и относилась к нему тепло – да, именно так. Айрис это видела своими глазами, потому что через год после свадьбы их мама, очаровательная и хрупкая Виола Марль, умерла, и Айрис, семнадцатилетней девушке, пришлось перебраться к Розмари Бартон и ее мужу.

Семнадцать лет! Айрис всматривалась в свою фотографию той поры. Что за человеком она была? Что чувствовала, о чем думала, что ее волновало?

Пришлось сделать неутешительный вывод: молоденькая Айрис Марль быстротой ума не отличалась, о происходящем не задумывалась, в суть вещей не вникала. Например, огорчал ли ее тот факт, что любимицей мамы была Розмари? Пожалуй, нет – не огорчал. Она безоговорочно мирилась с тем, что Розмари была очень важной персоной. Ведь Розмари была где-то там, далеко, и, конечно, мама старалась как-то поддержать старшую дочь, насколько позволяло здоровье. Это же естественно. А ее, Айрис, черед еще наступит. В какой-то степени Виола Марль всегда была мамой «на расстоянии», ее прежде всего занимало собственное здоровье, а детей она перепоручала няням, гувернанткам, школам, но в краткие минуты физического общения всегда согревала их своим обаянием.

Гектор Марль скончался, когда Айрис было пять лет. Осознание того, что отец заглядывал в рюмку чаще допустимого, проникло в нее совершенно незаметно – Айрис не имела понятия, как именно ей стало об этом известно.

Семнадцатилетняя Айрис Марль принимала жизнь без размышлений, она, как полагалось, поплакала об ушедшей матери, походила в траурной одежде, а потом перебралась жить к сестре и ее мужу в их дом на Элвастон-сквер.

Случалось, в этом доме ее одолевала скука. Формально Айрис выходить в свет не полагалось еще год. Это время она посвятила занятиям французским и немецким – три раза в неделю, посещала она и занятия по домоводству. Нередко ей просто было нечего делать и не с кем поговорить.

Джордж был с ней добр, окружал ее заботой, опекал ее, как старший брат. Так было всегда. Да и теперь его отношение к ней не поменялось.

А Розмари? Айрис ее почти не видела. Ее все время не было дома. То она у портного, то на коктейле, то партия в бридж...

Что же ей, если разобраться, все-таки известно о Розмари? О ее вкусах, чаяниях, страхах? Поразительно: живешь с человеком под одной крышей и так мало о нем знаешь! Надо признать: особой близости между сестрами не было.

Но теперь она заставит себя подумать. Подумать и вспомнить. Может быть, вспомнится что-то важное.

Да, с виду Розмари была счастлива...

Вплоть до того дня – за неделю до происшедшего. Тот день Айрис не забудет никогда. Он живет в ее сознании в мельчайших подробностях, она помнит каждый жест, каждое слово. Блестящий стол из красного дерева, отодвинутое в сторону кресло, характерный летящий почерк...

Айрис закрывает глаза, и сцена всплывает в памяти...

Вот она входит в гостиную Розмари – и застывает на месте.

От увиденного ее бросает в дрожь. Розмари сидит за письменным столом, голова опущена на распростертые руки. Она плачет, нет – безутешно рыдает. Раньше плачущей Айрис не видела сестру никогда, и эти горькие всхлипы приводят ее в ужас.

Да, Розмари перенесла тяжелый грипп. Всего пару дней, как поднялась с постели. А где грипп, там и депрессия, это всем известно. И все же...

Айрис вскрикнула, голос детский, испуганный:

– Розмари, что случилось?

Та выпрямилась, откинула назад волосы – лицо перекошено гримасой. Изо всех сил постаралась взять себя в руки. Быстро сказала:

– Ничего... ничего... что ты на меня уставилась?

Она поднялась и, не обращая внимания на сестру, выбежала из комнаты.

Озадаченная, огорченная, Айрис прошла в глубь гостиной. В поле ее зрения оказался письменный стол – и вдруг она увидела собственное имя, написанное рукой сестры. Неужели Розмари писала ей?

Она подошла поближе, всмотрелась в лист голубой писчей бумаги и увидела знакомый размашистый почерк, еще размашистее обычного, потому что текст писался в спешке и волнении.

Дорогая Айрис!

Мне едва ли стоит писать завещание, потому что мои деньги все равно переходят к тебе, но кое-какие мои вещицы я хотела бы оставить конкретным людям.

Джорджу: ювелирные изделия, которые он мне подарил, и маленькую эмалированную шкатулку – мы купили ее вместе в период помолвки.

Глории Кинг: мой платиновый портсигар. Мэйси: китайскую глиняную лошадку, которую она обожа...

На этом месте текст обрывался яростной закорючкой, в этот миг Розмари отшвырнула ручку и разрыдалась. Айрис оцепенела.

Как это понимать? Не умирать же Розмари собралась? Да, у нее был грипп в тяжелой форме, но она выздоровела. И вообще от гриппа не умирают – случается, конечно, но уж Розмари точно не умрет. Она же поправилась, хотя еще слаба и истощена.

Глаза Айрис вернулись к тексту, и тут ей открылся смысл первой фразы:

«...мои деньги все равно переходят к тебе...»

Об условиях завещания Пола Беннета ей стало известно впервые. С детства она знала: Розмари унаследовала деньги дядюшки Пола, Розмари богатая, а сама она – относительно бедная. Но до этой минуты Айрис никогда не задавалась вопросом о том, что случится с этими деньгами после смерти Розмари. Спроси ее кто-нибудь об этом, она бы ответила: наверное, деньги перейдут Джорджу как мужу Розмари. И добавила бы: смешно думать, что Розмари умрет раньше Джорджа!

И вот перед ней, черным по белому, рукой Розмари был дан ответ на этот вопрос. После смерти Розмари деньги переходят к ней, Айрис. Но законно ли это? Ведь в случае смерти деньги переходят к мужу или жене, но никак не к сестре. Если только Пол Беннет не оговорил это специально в своем завещании. Да, наверное, так и есть. Дядюшка Пол написал, что в случае смерти Розмари деньги переходят к Айрис. Тогда это не будет так несправедливо... Несправедливо? Это слово, вспыхнувшее в голове, испугало ее. Значит, она считает, что дядюшка Пол поступил несправедливо, оставив все деньги Розмари? Наверное, где-то в глубине души она чувствовала себя обделенной. С ней поступили несправедливо. Ведь они сестры – она и Розмари. У них – одна мама. Почему же дядюшка Пол решил все деньги оставить Розмари?

Ей всегда доставалось лучшее! Вечеринки, юбки, влюбленные в нее молодые люди, обожающий муж. За всю жизнь с Розмари случилась одна неприятность: приступ гриппа. Да и эта беда продлилась всего неделю!

Айрис с сомнением посмотрела на лист бумаги, что лежал на столе. Розмари оставила его здесь специально, чтобы прочитали слуги?.. После минутного колебания Айрис взяла лист, сложила его вдвое и убрала в один из ящиков стола.

Там его и нашли после рокового дня рождения, и лист стал дополнительным доказательством – если таковое требовалось, – что Розмари после болезни была подавлена, пребывала в депрессии и с того дня реально помышляла о самоубийстве.

Депрессия как следствие гриппа. Этот мотив выдвинуло следствие, и показания Айрис указывали на вероятность именно этого мотива. Пожалуй, мотив сомнительный, но за неимением другого пришлось остановиться на этом. Грипп в тот год просто свирепствовал.

Ни Айрис, ни Джордж иного мотива предложить не смогли – тогда.

И теперь, вспоминая инцидент на чердаке, Айрис задавала себе вопрос: как она могла не видеть очевидного?

Ведь все происходило у нее перед глазами! А она ничего не видела! В памяти вспыхнула вечеринка в честь дня рождения, которая закончилась трагедией. Нет, незачем об этом думать! Эта страница давно закрыта. Забыть об этом ужасе, о расследовании, о дергающемся лице Джорджа и его налитых кровью глазах. Надо сосредоточиться на инциденте с сундуком на чердаке.

II

Он произошел примерно через полгода после смерти Розмари.

Айрис продолжала жить в доме на Элвастон-сквер. После похорон адвокат семьи Марль, пожилой аристократ с сияющей лысиной и на удивление пронзительными глазами, обстоятельно поговорил с Айрис. С поразительной ясностью он объяснил ей: по завещанию Пола Беннета его состояние переходит к Розмари, а в случае ее смерти – к ее детям. Если Розмари умирает бездетной, состояние в полном объеме переходит к Айрис. Адвокат объяснил, что речь идет

об очень большой сумме денег, которая будет целиком и полностью принадлежать ей по достижении двадцати одного года или при вступлении в брак.

Но прежде всего надо было определиться с местом жительства. Господин Джордж Бартон заявил, что будет счастлив, если Айрис останется жить в его доме, и предложил сестре ее отца, госпоже Дрейк, которая пребывала в стесненных обстоятельствах из-за финансовых притязаний ее сына (черная овца в семье Марль), переселиться к ним и готовить Айрис к выходам в свет. Что на это скажет сама Айрис?

Айрис с готовностью приняла предложение – как-то кардинально менять жизнь, строить новые планы ей не хотелось. Она помнила тетушку Лусиллу – симпатичный божий одуванчик, послушный чужой воле.

Вопрос был решен. Джордж Бартон трогательно опекал сестру жены и был доволен, что она остается в его доме, обращался с ней нежно, как с младшей сестренкой. Нельзя сказать, что госпожа Дрейк была вдохновляющей компаньонкой, но все желания Айрис она послушно исполняла, словно рабыня. В доме установился покой.

И вот почти через полгода Айрис поднялась на чердак и обнаружила там нечто важное.

На чердаках в доме на Элвастон-сквер хранилась всякая всячина – старая мебель, какие-то сундуки и чемоданы. Айрис поднялась туда, потому что не могла найти свой любимый старый пуловер красного цвета. Джордж просил ее не носить траурные наряды – Розмари бы этого не одобрила, считал он. Айрис знала: он прав, поэтому согласилась и продолжала носить обычную одежду, к неодобрению Лусиллы Дрейк – та была дамой старомодной и утверждала, что надо «соблюдать приличия». Временами она и теперь носила траурную креповую повязку, хотя ее муж почил двадцать с чем-то лет назад.

Айрис знала, что отжившая свое одежда хранится в сундуке наверху. В поисках своего пуловера она наткнулась на разные позабытые штуковины, серую кофту с юбкой, гору чулок, лыжный костюм и два старых купальника.

Тут ей попался на глаза халат Розмари, который каким-то чудом уцелел – многие вещи Розмари раздали людям. Эдакий шелковый пятнистый балахон с большими карманами.

Айрис вытащила его – оказалось, халат в отличном состоянии, потом аккуратно сложила, намереваясь убрать назад в сундук. Тут под ее рукой в кармане что-то хрустнуло. Она вытянула на свет божий скомканный лист бумаги. Тут же узнала почерк Розмари, разгладила листок и стала читать.

Дорогой Леопард, неужели это правда? Не может быть... Не может... Ведь мы любим друг друга! Мы рождены друг для друга! И тебе это известно не хуже меня! Мы не можем просто попрощаться, а дальше каждый идет своей дорогой. Дорого?й, ты же знаешь – это просто невозможно. Не-воз-мож-но! Мы созданы друг для друга и должны быть вместе, пока живы. Я – женщина без предрассудков, на мнение света мне плевать. Любовь – вот что для меня важнее всего на свете. Давай уедем куда-нибудь вместе и будем счастливы – я подарю тебе счастье. Как-то ты сказал: жизнь без меня для тебя – просто прах и пепел, помнишь, мой дорогой Леопард? А теперь ты спокойно пишешь, что нашим отношениям лучше положить конец и что это в моих же интересах. В моих интересах? Но я не могу жить без тебя! Мне жаль Джорджа, он неизменно добр ко мне – но он все поймет. Он захочет дать мне свободу. Какой смысл жить под одной крышей, если любви больше нет? Дорогой мой, Господь создал нас друг для друга – мне это точно известно. Мы будем самой счастливой парой на свете – но нужно решиться. Джорджу я все скажу сама – напрямую, без хождения вокруг да около, но после моего дня рождения.

Я знаю, что поступаю правильно, мой дорогой Леопард, потому что не могу жить без тебя – не могу, не могу... Как глупо, что я все это написала. Вполне хватило бы двух строчек. Просто: «Я люблю тебя и никуда не отпущу». Дорогой мой...

На этом письмо обрывалось.

Айрис застыла на месте, словно ее ударило громом. До такой степени не знать собственную сестру! Значит, у Розмари был любовник, она писала ему страстные письма и намеревалась с ним сбежать!..

Но что же произошло? Это письмо осталось неотправленным. Значит, Розмари написала другое? И что же они с этим незнакомцем решили?

(«Леопард»! Что творится в голове у влюбленных, с ума сойти! Надо же придумать такую дурасть... Леопард!)

Кто же этот человек? Любил ли он Розмари так же сильно, как она его? Скорее всего. Ведь ее обаяние было беспредельным. Но из письма Розмари следовало, что ее возлюбленный предлагает «положить конец». Что за этим стояло? Осторожность? Видимо, он сказал, что им надо расстаться ради будущего Розмари. Что это «в ее интересах». Но мужчины часто говорят такое, чтобы как-то отвертеться. А на самом деле ему, кто бы он ни был, вся эта история просто наскучила? Может, для него это была лишь мимолетная интрижка? И ни о чем серьезном он вообще не помышлял? Видимо, этот незнакомец решил порвать с Розмари раз и навсегда. Но сестра этого не понимала. Она хотела получить свое любой ценой. И тоже была полна решимости...

Айрис поежилась.

Ведь она, Айрис, как говорится, ни сном ни духом! Даже не подозревала. Розмари всем довольна и счастлива, живут себе с Джорджем припеваючи, как два голубка... Какая слепота! Как она могла не заметить того, что для ее сестры составляло смысл жизни?

Но кто же этот человек?

Айрис заставила себя вернуться в прошлое, пройтись по закоулкам памяти. Поклонников и воздыхателей у Розмари хватало, они вывозили ее в свет, беспрестанно звонили. Но чтобы кто-то один пользовался особой благосклонностью... Тем не менее он существовал, а все остальные были прикрытием этого одного, единственного, кто был ей дорог. Айрис озадаченно наморщила лоб, пытаясь свои воспоминания как-то упорядочить.

В результате она выделила двоих. Наверняка «тем самым» был один из них.

Стивен Фарради? Скорее всего, именно он – Стивен Фарради. Но что в нем могла найти Розмари? Напыщенный индюк, к тому же не первой молодости. Да, говорили, что он – яркая личность. Успешный политик, метит в заместители министра, куча влиятельных друзей. Глядишь, в недалеком будущем выскочит в премьер-министры... Этим он приворожил Розмари? Вряд ли она могла любить в нем именно мужчину – холодный и самовлюбленный тип! Хотя... ведь в него

была влюблена его собственная жена, она пошла за него наперекор желанию своих могущественных родителей – а он тогда был круглый ноль с политическими амбициями! И если одна женщина могла полюбить его так страстно, почему бы и не другая?

Да, скорее всего, это Стивен Фарради.

Потому что если не он, тогда – Энтони Браун.

А вот этого Айрис уже не хотелось.

Он вполне тянул на роль раба Розмари – все время у нее на побегушках, при этом как бы посмеивался над собой – мол, такова моя участь. Красивый, загорелый. Но вся эта его преданность уж слишком напоказ – все смотрите, любуйтесь. Вряд ли тут было что-то глубокое и серьезное. Странно, но после смерти Розмари он куда-то пропал. С тех пор его никто не видел.

Хотя что тут такого странного? Ведь Энтони – путешественник. Он рассказывал и про Аргентину, и Канаду, Уганду и США. Иногда Айрис казалось, что сам он – американец или канадец, хотя никакого акцента не было. Может быть, просто куда-то уехал, и удивляться тут особенно нечему. В конце концов, его приятельницей была Розмари. Зачем ему встречаться с ее родней? Он был приятелем Розмари. Но не любовником! Нет, только не любовником! Сама эта мысль причиняла Айрис страдания...

Она еще раз взглянула на письмо в руке. Скомкала его. Надо его выбросить, сжечь...

Но что-то ее остановило. А вдруг в один прекрасный день оно пригодится...

Айрис разгладила письмо, унесла и спрятала в свою шкатулку с драгоценностями. Может быть, когда-то эта улика понадобится – показать, почему Розмари вдруг решила уйти из жизни.

III

«Что-нибудь еще?»

Нелепая фраза без приглашения возникла в мозгу Айрис, и губы ее сложились в кривую улыбку. Вопрос беззаботной продавщицы весьма точно отражал протекавший в ее голове мыслительный процесс.

Ведь именно это она пытается выяснить, занимаясь раскопками в шахтах своей памяти. Со своей неожиданной находкой на чердаке она как будто разобралась. Следующий вопрос: «Что-нибудь еще?» Так что же было дальше?

Джордж стал вести себя все более странно – вот что. Причем началось это давно. Какие-то мелочи часто ставили ее в тупик – и в свете вчерашнего поразившего ее разговора многое прояснилось. Невнятные фразы и действия вдруг разбежались по местам, Айрис открылся их тайный смысл.

И еще – объявился Энтони Браун. Видимо, хронологически это событие надо поставить следующим: он возник через неделю после того, как она нашла письмо. Какие же чувства она тогда испытывала? Сразу и не вспомнишь...

Розмари умерла в ноябре. В мае следующего года Айрис, под надзором Лусиллы Дрейк, стала делать первые шаги в обществе. Потянулась череда званых обедов, чаепитий и танцевальных вечеров, но большого удовольствия эта «светская жизнь» Айрис не доставляла. Не вдохновляла, не приносила радости. И вот в конце июня, во время одной из таких скучных танцевальных вечеринок, она услышала за своей спиной голос:

– Айрис Марль, я не ошибаюсь?

Вспыхнув, она обернулась – и увидела перед собой вопрошающее загорелое лицо Энтони – Тони.

– Едва ли вы меня помните, – продолжил он, – но...

– Еще как помню, – перебила она его. – Конечно, помню!

– Замечательно. Думаю, вдруг вы меня забыли? Все-таки давно не виделись.

– Давно. Со дня рождения Розмари...

Она осеклась. Слова бездумно и весело сорвались с губ. Но тут же кровь отхлынула от щек, лицо ее обесцветилось, побледнело. Губы задрожали. Глаза в испуге распахнулись.

- Извините, ради бога, - быстро сказал Энтони Браун. - Я, идиот, вас напугал.

Айрис сглотнула.

- Не страшно.

(А ведь с того самого дня, дня рождения Розмари, дня ее самоубийства, Айрис об этом не вспоминала. Не хотела вспоминать!)

- Простите, ради бога, - повторил Энтони Браун. - Прошу вас, извините меня. Потанцуем?

Айрис кивнула. На начинавшийся танец она уже была ангажирована, но без раздумий пошла к танцевальному кругу, опираясь на руку Энтони. Она заметила, что ее партнер, розовощекий юноша со свободно болтающимся воротничком, ищет ее глазами. «Девушкам, осваивающим свет, с такими приходится мириться, - презрительно подумала она. - А приятель Розмари - это совсем другое дело».

Ее словно ударило током. Приятель Розмари. Письмо. Неужели оно было адресовано ему, человеку, с которым она сейчас танцевала? В его манере танцевать было особое кошачье изящество - вот тебе и «Леопард». Неужели он и Розмари...

- Где вы пропадали? - спросила она, отгоняя эти мысли.

Чуть отодвинувшись, Браун внимательно взглянул на нее сверху вниз. Улыбки не было, в голосе слышался холодок.

- Ездил... по делам.

- Понятно, - и, не удержавшись, спросила: - А зачем вернулись?

Теперь он улыбнулся. Потом игриво произнес:

- Допустим, повидать вас, Айрис Марль.

Энтони вдруг прижал ее к себе и решительно повел в танце – и она, ведомая им, поплыла во времени и пространстве. «Почему я должна его бояться, – мелькнуло у нее в голове, – ведь мне так приятно!»

С того дня Энтони вошел в ее жизнь. Они стали видеться – не реже раза в неделю. Айрис встречала его в парке, на танцевальных вечеринках, за ужином их сажали рядом.

Но в доме на Элвастон-сквер он не появлялся. Айрис обратила на это внимание не сразу – так ловко он уклонялся или просто отказывался от приглашений заехать туда.

Когда она это поняла, у нее возник вопрос: а почему? «Потому что он и Розмари...» Тут, к ее удивлению, о нем заговорил Джордж – всегда такой деликатный и обходительный.

- А кто он, этот Энтони Браун, с которым ты встречаешься? Что тебе о нем известно?

Айрис уставилась на него.

- Что известно? Да он же был приятелем Розмари!

По лицу Джорджа словно пробежала судорога. Веки дернулись. Он глухо подтвердил:

- Да, разумеется.

- Ой, прости! – воскликнула Айрис покаянно. – Зря я о ней вспомнила.

Джордж Бартон покачал головой и мягко произнес:

– Я не хочу, чтобы ее забыли. Нет, не хочу. Ведь, в конце концов, – неловко добавил он, отведя глаза в сторону, – ее имя означает именно это. Розмари – воспоминание[1 - Цветок розмарина (англ. rosemary) символизирует воспоминания.], – он внимательно посмотрел на нее. – Я не хочу, Айрис, чтобы ты забыла свою сестру.

У нее перехватило дыхание.

– Я никогда ее не забуду.

– Так вот, – продолжал он, – насчет этого Энтони Брауна. Возможно, Розмари с ним дружила, но едва ли она много о нем знала. А тебе, Айрис, надо быть осторожной. Ты – очень богатая девушка.

Эти слова ее словно обожгли.

– У Тони – Энтони – своих денег хватает. В Лондоне он всегда останавливается в «Кларидже».

Джордж Бартон усмехнулся.

– Гостиница для уважаемых людей, и цена соответствующая. Тем не менее, дорогая моя, про этого человека никто ничего не знает.

– Он американец.

– Возможно. Но тогда странно, почему он никак не связан с собственным посольством. Да и у нас он не появляется.

– Не появляется. И теперь я знаю, почему. Ты же его терпеть не можешь!

Джордж покачал головой:

– Ну вот, влез не в свое дело. Извини. Просто хотел тебя вовремя предупредить. И с Лусиллой поговорю.

– С Лусиллой! – фыркнула Айрис.

– Что-нибудь не так? – заволновался Джордж. – Надеюсь, Лусилла делает все, что от нее требуется? Возит тебя по вечеринкам и так далее?

– Да, она трудится не покладая рук...

– Если тебя что-то не устраивает, сразу мне скажи, девочка. Найдем кого-то еще. Помоложе, посовременнее. Я хочу, чтобы ты радовалась жизни.

– Я и радуюсь, Джордж. Спасибо тебе.

– Ну, хорошо, – сказал он со вздохом. – От меня в этих делах мало толку, никогда вечеринками не увлекался. Но хочу, чтобы у тебя было все, чего желает душа. Экономить на тебе не собираюсь.

Вот такой он был, Джордж – мягкий, великодушный, неловкий.

Он сдержал свое «грозное» обещание и поговорил с госпожой Дрейк насчет Энтони Брауна, но, как часто бывает, момент для такой беседы оказался не самым подходящим.

Лусилла получила телеграмму от своего непутевого сына, которого боготворила, а он прекрасно знал, как сыграть на струнах материнского сердца для своей финансовой выгоды.

«Если можешь, пришли мне двести фунтов. Я в отчаянном положении. Речь идет о жизни и смерти.

Виктор».

Джордж застал Лусиллу в слезах.

– Виктор у меня такой порядочный. Он знает, что я и сама не катаюсь как сыр в масле, и если просит денег, значит, по-настоящему приперло. Значит, надо. Мне так страшно – вдруг ему взбредет в голову застрелиться?

– Не взбрдет, – сказал Джордж Бартон без особого сочувствия.

– Вы его не знаете. А вот я знаю душу сына – я мать. Если не выполню его просьбу, никогда себе этого не прощу. Придется продать акции – вот и деньги появятся.

Джордж вздохнул.

– Вот что, Лусилла. У меня в тех краях есть знакомые, я их попрошу все выяснить и прислать мне отчет по телеграфу. Мы выясним, что там за неприятности у вашего Виктора. Но мой вам совет – пусть выбирается из беды сам. А если спасти его всякий раз будете вы, толку из него не будет.

– Джордж, это слишком жестоко. Мальчику всегда так не везло...

Джордж решил свое мнение оставить при себе. Спорить с женщинами – какой в этом смысл?

– Я попрошу Рут немедля этим заняться, – только произнес он. – Завтра будем знать, что там приключилось.

Лусилла вроде бы успокоилась. Цифру двести потихоньку удалось снизить до пятидесяти, но уж пятьдесят фунтов она пошлет во что бы то ни стало.

Айрис знала – эту сумму Джордж выделил из своих средств, а Лусилле сказал, что продал ее акции. Щедрость Джорджа всегда приводила Айрис в восхищение, и теперь она ему об этом сказала. Его ответ был прост.

– Понимаешь, в любой семье есть черная овца. Кого-то обязательно надо пасти. А Виктора кто-то будет вывозить из беды до самой смерти.

– Но не ты же! Он тебе даже не родственник!

– Семья Розмари – моя семья.

– Ты прелесть, Джордж. А нельзя было решить эту проблему за мой счет? Ты всегда говоришь, что у меня денег куры не клюют.

Джордж широко улыбнулся.

- Пока двадцать один не стукнет - не могу. Да и после тратить на него деньги не советую. Могу тебе сказать одно: если человек шлет тебе телеграмму и говорит, что без двухсот фунтов ему конец, обычно оказывается, что ему с лихвой хватает двадцати... А еще лучше - десяти! Матушка, конечно же, готова раскошелиться, но сумму взноса всегда можно снизить - запомни это. А уж свести счеты с жизнью - на это Виктор Дрейк не отважится никогда! Люди, которые болтают о самоубийстве, никогда его не совершают.

«Никогда?» Айрис подумала о Розмари, но тут же прогнала эту мысль. Джордж, конечно, не имел в виду Розмари. Он говорил о бессовестном молодом прохвосте в Рио-де-Жанейро.

Одно хорошо, считала Айрис - Лусилла так занята своими материнскими обязательствами, что у нее просто нет времени следить за отношениями Айрис с Энтони Брауном.

Итак - «что-нибудь еще, мадам»? А еще - Джордж стал другим! И Айрис уже не могла закрывать на это глаза. Когда это началось? Что явилось причиной?

Даже теперь, оглядываясь назад, Айрис не могла точно указать момент, с которого начались эти перемены. Собственно, после смерти Розмари Джордж нередко был рассеян, невнимателен, мрачен. Он как-то сразу состарился, потяжелел. Но ведь это естественно. А вот когда его рассеянность перестала казаться естественной?

Наверное, после легкой стычки по поводу Энтони Брауна - Айрис стало казаться, что он смотрит на нее с каким-то смущенным, озадаченным видом. Потом у него появилась новая привычка - он теперь приходил с работы раньше и закрывался у себя в кабинете. Чем он там занимался? Вроде бы ничем. Однажды Айрис заглянула к нему - он сидел за столом и смотрел прямо перед собой. Джордж перевел взгляд на нее - глаза усталые, потухшие. Казалось, с ним что-то произошло, но на ее вопрос, не случилось ли что, он ответил коротким «ничего».

Шли дни, а с его лица не сходило выражение измученного заботами человека, которого явно что-то беспокоило. Никто, впрочем, не обращал на это внимания.

Во всяком случае, не Айрис. Эти заботы всегда можно было списать на «бизнес».

Потом Джордж вдруг начал невпопад, без видимых причин, задавать вопросы. Тут она и стала замечать за ним какие-то «чужачества».

– Айрис, а Розмари часто с тобой разговаривала?

Айрис уставилась на него.

– Конечно, Джордж. По крайней мере... а о чем?

– Ну, о себе... о ее друзьях... о своих делах. Счастлива она или нет. В таком духе.

Она решила, что поняла причину его тоски. Наверное, до него дошли слухи о несчастной любви Розмари.

– Много она никогда не рассказывала, – произнесла Айрис, взвешивая каждое слово. – Она же вечно была чем-то занята.

– Конечно, а ты была еще ребенком. Да, знаю. Все равно, я подумал, а вдруг она тебе что-то рассказала...

И вопрошающе смотрел на нее – как пес, исполненный надежды.

Причинять Джорджу боль – этого ей не хотелось. К тому же Розмари и правда ничего ей не говорила. Айрис покачала головой.

Джордж вздохнул. Потом отрешенно сказал:

– Впрочем, какая теперь разница?

В другой раз он спросил, были ли у Розмари близкие подруги.

Айрис задумалась.

– Глория Кинг. Госпожа Этуэлл, Мейзи Этуэлл. Джин Реймонд.

– Они были достаточно близки?

– Не знаю точно.

– Ну, она могла бы с кем-то из них поделиться чем-то сокровенным?

– Трудно сказать... Вряд ли, если честно... А чем сокровенным?

Тут же она поняла, что ляпнула глупость, но еще больше ее удивил ответ Джорджа.

– Розмари никогда не говорила, что кого-то боится?

– Боится?

Айрис уставилась на Джорджа.

– Давай по-другому. У Розмари были враги?

– Среди женщин?

– Нет, я не об этом. Настоящие враги. Может, был кто-то, известный тебе, – кто держал на нее зло?

Айрис уставилась на него с откровенным недоумением. Джорджу даже стало неловко, он покраснел и пробормотал:

– Звучит глупо, сам знаю. Как какая-то мелодрама, но на всякий случай решил спросить.

Еще через пару дней он начал расспросы насчет семейства Фарради. Часто ли Розмари их видела?

Айрис затруднилась с ответом.

- Даже не знаю, Джордж, честное слово.
- Она про них что-нибудь рассказывала?
- Пожалуй, нет.
- Но у них были теплые отношения?
- Вообще-то, Розмари интересовалась политикой.
- Да. Когда познакомилась с Фарради в Швейцарии. До этого ей на политику было чихать.
- Верно. Думаю, политикой она стала интересоваться благодаря Стивену Фарради. Он давал ей какие-то статьи, журналы.
- А как к этому относилась Сандра Фарради? - спросил Джордж.
- К чему?
- К тому, что ее муж дает Розмари какие-то статьи.
- Не знаю, - ответила Айрис с чувством неловкости.
- Она ведь очень себе на уме. Холодна, сдержанна. Но вроде бы страстно любит мужа. Она не из тех, кому понравится, что ее муж водит дружбу с другой женщиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Цвіток розмарина (англ. rosemary) символізує воспоминання.

Купити: <https://tellnovel.com/agata-kristi/den-pominoventiya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)